

DOI: 10.46698/VNC.2026.100.61.007

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «RUHS “СВЕТ” / TALYNG “ТЬМА”»
В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ИРОНСКОГО
И ДИГОРСКОГО ДИАЛЕКТОВ)

И.Н. Цаллагова

Актуальность исследования обусловлена возрастающим вниманием лингвистов к различным вопросам лексико-семантической структуры языка. В современной лингвистике антропоцентрическая парадигма приобретает особое значение, ввиду чего на передний исследовательский план выходит не язык как естественное явление, а человек как языковая личность. В данном русле особое место занимает полевой метод исследования языка, позволяющий применять такие способы группировки лексики, как семантическое поле, лексико-семантическое поле, лексико-семантическая группа, тематическая группа. Научная новизна исследования состоит прежде всего в том, что в осетинском языке крайне мало работ по семантическим полям. В частности, лексико-семантическое поле «ruhs “свет” / talyng “тьма”» впервые подвергается тщательному анализу и структурированию. Целью исследования является структурный анализ лексико-семантического поля «ruhs “свет” / talyng “тьма”» в современном осетинском языке с привлечением языкового материала как иронского, так и дигорского диалектов. В работе использованы метод лингвистического наблюдения, описательный метод, дистрибутивный метод. При рассмотрении семантики ядерных лексем группы применялся структурно-семантический метод. Сбор иллюстративного языкового материала осуществлялся путем сплошной выборки и опроса (интервьюирования) информантов. В ходе исследования рассмотрена семантическая структура ядерных лексем лексико-семантического поля «ruhs “свет”» и «talyng “тьма”» в современном осетинском языке, определены их первичные и вторичные переносные значения, рассмотрен словообразовательный потенциал лексем «ruhs “свет”» и «talyng “тьма”», определена частеречная принадлежность единиц деривационных цепочек, рассмотрены омонимичные и синонимичные отношения внутри группы.

Ключевые слова: осетинский язык, лексика, семантика, лексико-семантическое поле, словообразование.

Для цитирования: Цаллагова И.Н. Лексико-семантическое поле «ruhs “свет” / talyng “тьма”» в осетинском языке (на материале иронского и дигорского диалектов) // Известия СОИГСИ. 2026. Вып. 61 (100). С. 78-85. DOI: 10.46698/VNC.2026.100.61.007

Поступила в редколлегию: 24.07.2026 г.

Принята к публикации: 15.09.2026 г.

В современной лингвистической науке проблема лексико-семантического поля находится в числе важнейших. Попытки создания разных, но связанных между собой лексических подсистем, обусловлены четким пониманием системности лексики несмотря на ее многообразие и многоаспектность. Этим обусловлено то, что основной формой исследования лексической системы языка выступает определение лексических групп, которые могут быть типологически разными и иметь разный объем.

На сегодняшний день в лингвистике существует достаточно большое количество концепций относительно семантического поля. В научный оборот термин «семантическое поле» впервые был введен Г. Ипсеном в 1924 г. Ученый определял данный термин как «совокупность слов, обладающих общим значением» [1]. С этого времени термин «семантическое поле» стал привлекать к себе внимание многих лингвистов из разных стран.

Анализ различных определений данного термина показал, что признаки, определяющие семантическое поле, разделяются на «лингвистические и экстралингвистические» [2, 93]. К лингвистическим относятся признаки, связанные с лексическим зна-

чением, а к экстралингвистическим – «признаки, ориентированные на понятийную, предметно-тематическую сферу» [2, 93]. Следует отметить, что экстралингвистический подход предшествовал лингвистическому, а основоположником его принято считать немецкого ученого Й. Трира [3].

В отечественном языкознании исследованием вопросов, связанных с полевой структурой языка, занимались Л.М. Васильев [4], Б.Ю. Городецкий [5], С.Г. Шафиков [6], С.В. Кезина [7] и др.

В осетинском языкознании вопросы лексической семантики разработаны не столь основательно. Однако следует выделить несколько работ, которые внесли определенный вклад в данный аспект исследования языка. Так, семантическая структура осетинского глагола была рассмотрена Г.З. Тедеевым [8]. В его труде на материале глагольной лексики исследуется проблема семантической структуры осетинского слова, анализируются вопросы семантической связи глагола с сочетающимися с ними объектами или субъектами, описывается вопрос влияния характера связи глагола с существительным на формирование смыслового объема глагола. Разбору семантических полей «тело» и «люди» с точки зрения их структуры и этимологии в осетинском языке посвящена работа О.А. Мудрака [9]. Различным вопросам структуры и семантики тематической лексики осетинского языка посвящены работы Ф.О. Абаевой [10; 11].

Филологи едины в том, что «лексико-семантическое поле (далее ЛСП) – это совокупность лексем, обозначающих определенное понятие в широком смысле этого слова, включающих в свой состав слова различных частей речи» [12, 185].

Наше исследование посвящено анализу семантической структуры ЛСП «*ruhs* «свет» / *talyng* «тьма»» в осетинском языке (в его иронском и дигорском диалектах). Материалом исследования послужила лексика, извлеченная методом сплошной выборки из словарей осетинского языка. Для определения семантической структуры ядерных лексем описываемого ЛСП были использованы данные Осетинского национального корпуса (далее ОНК) [13].

ЛСП «*ruhs* «свет» / *talyng* «тьма»» в осетинском языке, впрочем, как и в любом другом, представляет собой семантически многообразную лексическую группу. Данная бинарная оппозиция является по сути антитезой в природе, что обуславливает наличие развитой символики.

ЛСП «*ruhs* «свет» / *talyng* «тьма»» включает в себя лексемы, которые связаны семантически (свет и его отсутствие). ЛСП характеризуется сложной структурой, включающей ядерные и периферийные зоны, а также разнообразные семантические и словообразовательные отношения.

Следует отметить, что данные лексемы относятся к той части осетинской конверсионной лексики, которые могут совершать взаимопереход между частями речи, в данном случае – между существительным и прилагательным [14].

Семантическая структура ир. *ruhs* / диг. *roxs* (мн. ир. *ruhsytæ* / диг. *roxsitæ*) «свет».

Исходя из толкового словаря осетинского языка слово ир. *ruhs* / диг. *roxs* имеет следующие значения [15, 346]:

1) лучистая энергия, исходящая от горячих или светящихся предметов (источников), воспринимаемая глазом и делающая видимым окружающий мир: ир. *cyrağy ruhs* / диг. *ciraği rohs* «свет лампы»; ир. *mæjy ruhs* / диг. *mæji rohs* «свет луны»; ир. *ruhsy tyn* / диг. *rohsi tunæ* «луч света» и т.д.;

2) часть суток, в которую окружающий мир является видимым (светлым / освещенным): ир. *ruhsy ærbacu* / диг. *rohsi ærbaco* «приходи, когда будет светло (днем)»;

3) источник освещения домов и улиц (светильник, лампа): ир. *wyngy ruhsytæ sudzync* / диг. *ğæungi rohsitæ sodzyncæ* «на улице горят лампы (светильники)»;

4) освещенное место / место, где не темно: ир. *cyrağy ruhsma badyn* / диг. *cirağy rohsma badun* «букв. сидеть в месте, освещенном лампой»;

5) *перен.* про жизнь, наполненную радостью, счастьем / светом: ир. *adæjmag tyndzy ruhsma* / диг. *adæjmag tundzuj rohsma*; в данном значении встречается и в качестве прилагательного «светлый, счастливый, радостный»: благопожелание – ир. *ruhs card kæn* / диг. *rohs card kænæ* «живи светлую (счастливую) жизнь»;

6) *перен.* в качестве прилагательного: чистый, святой: ир. *ruhs kuvændon* / диг. *rohs kovændonæ* «святое место (для молитвы и исполнения религиозных обрядов)»; ир. *ruhsy badyn* / диг. *rohsi badun* «пребывать в раю (букв. сидеть в светлом месте)».

В современном осетинском языке существует две лексемы с базовыми значениями «темнота; темный» – ир. диг. *tar* и ир. *talyng* / диг. *talingæ*. При этом этимологически *talyng/talingæ* признается производной от *tar* с помощью форманта *-yng / -ingæ* [16, 230].

Семантическая структура ир. диг. *tar* «темный, мрачный; дремучий (про лес); темнота»:

1) в качестве прилагательного «лишенный света, неосвещенный»: ир. *tar æxsæv* / диг. *tar æxsævæ* «темная ночь»; ир. *tar nykkænd* / диг. *tar nikkændæ* «темный подвал»; ир. *tar ingæn* / диг. *tar ingæn* «темная могила»; ир. *tar izær* / диг. *tar izær* «темный вечер (темная ночь)»;

2) в качестве прилагательного «темный (о цвете)»: ир. *tar kaba* / диг. *tar pòlci* «темное платье»; ир. *tar ændærg* / диг. *tar ændærgæ* «темный силуэт, контур»; ир. *tar miğ* / диг. *tar meğæ* «темная туча»; ир. *tar ciqqa* / диг. *tar coqqa* «темная черкеска»; ир. *tar ciqqa* / диг. *tar coqqa* «темная черкеска»;

3) в качестве прилагательного «дремучий»: ир. *tar qæd* / диг. *tar gædæ* «дремучий (темный) лес»; ир. *tar æhsærqæd* / диг. *tar æhsærgædæ* «дремучая (темная) ореховая роща»; ир. *tar pyhs* / диг. *tar pihsæ* «дремучий (темный) кустарник»;

4) *перен.* в качестве прилагательного «пасмурный; мрачный (о настроении человека)»: ир. *tar bon* / диг. *tar bon* «букв. темный (пасмурный день)»; ир. *tar cæsgom* / диг. *tar cæsgon* «букв. темное (грустное, расстроенное) лицо»; ир. *tar cæsgom* / диг. *tar cæsgon* «букв. темное (грустное, расстроенное) лицо»;

5) *перен.* в качестве прилагательного «глубокий (про сон); глухой (про место)»: ир. *Bæstæ, cyma mærdon fynæj baci, wuj huzyæn tar, ænæ wunær* (ОНК) / Край (местность), будто заснул мертвецким сном, такой же темный (глухой), безмолвный; ир. *Æmæ qæw tar fynty anyğuyld* / И село погрузилось в глубокий сон (НК); диг. *Tar funæj sæbæl wælahez kænun bajdætta* (ОНК) / Глубокий сон начал побарывать их.

6) *перен.* в качестве прилагательного «тяжелый; в глубине веков»: ир. *Wæzzaw æmæ tar wyd iron sylgojmağy wavær patriarhalon æhsænady* / Тяжелым и темным (упадническим) было положение женщины в патриархальном обществе (ОНК); диг. *Tar diujne nillæwdtæj* / Наступили тяжелые (темные) времена (ОНК).

7) в качестве существительного «темнота; тьма; мрак»: ир. *arvy tar* / диг. *arvi tar* «тьма неба»; ир. *æhsævy tar* / диг. *æhsævi tar* «мрак ночи»; ир. *Ærhuysyd hæhty ræğtyl tar* / Легла на горные склоны тьма (ОНК); ир. *Tar nyquyry bæstæ* / Тьма поглощает свет (ОНК); ир. *Ruhs æmæ tar kæm toh kænøj* / Где бы свет и тьма сражались (ОНК).

Семантическая структура ир. *talyng* / диг. *talingæ* «темнота; тьма; темный»:

1) в качестве существительного: «отсутствие света, освещения; мрак; тьма»: ир. *talyngæj tærsyn* / диг. *talyngæj tærsun* «бояться темноты»; ир. *talyngy nicy wunyn* / диг. *talyngy neci winun* «ничего не вижу в темноте»; ир. *æhsævy talyng* / диг. *æhsævi talingæ* «тьма ночи»; ир. *Talyng ærtyhst bæstyl* / Мрак лег на местность (край) (ОНК); ир. *Talyng æj anyquyrta* / Его проглотила тьма (ОНК);

2) в качестве прилагательного «лишенный света, неосвещенный»: ир. *talyng wat* / диг. *talingæ avaræ* «темная комната»; ир. *talyng æhsæv* / диг. *talingæ æhsævæ* «темная ночь»; ир. *talyng ran* / диг. *talingæ rawæn* «темная ночь»; *talyng hædzar* / диг. *talingæ hædzaræ* «темный (неосвещенный) дом»; ир. *talyng lægæt* / диг. *talingæ lægæt* «темная пещера»;

3) *перен.* в качестве прилагательного «невежественный, отсталый, некультурный (про человека)»: ир. *talyng zond* / диг. *talingæ zund* «темный (отсталый) мозг»; ир. *talyng dæsnytæ* / диг. *talingæ dæsnitæ* «темные (невежественные) знахари»;

4) *перен.* в качестве прилагательного «мрачный; безрадостный»: ир. *talyng quydytæ* / диг. *talingæ ġuditæ* «темные мысли»; ир. *talyng card* / диг. *talingæ card* «темные мысли»;

5) *перен.* «несущий, причиняющий зло, вред; злобный»: ир. *talyng middune* / диг. *talingæ meddujne* «темная душа (букв. внутренний мир)»; ир. *talyng zærdæ* / диг. *talingæ zærdæ* «темное сердце»; ир. *talyng tyhtæ* / диг. *talingæ tuhtæ* «темные силы»;

Словообразовательный потенциал слов *ruhs* «свет» / *talyng* «тьма».

Словарное гнездо ир. *ruhs* / диг. *roxs* «свет; светлый» выглядит следующим образом:

- существительные: ир. *ruhsdzon* / диг. *rohsdzæwæn* «просвет»; ир. *ruhstawæg* / диг. *rohsitawæg* «просветитель»; ир. *ruhsad* / диг. *rohsadæ* «просвещение»; ир. *ruhsgænæn* / диг. *rohsġænæn* «светильник»; ир. *ruhsmynæg* / диг. *rohsminæg* «затмение»;

- прилагательные: ир. *ruhswarzag* / диг. *rohswarzagæ* «светолюбивый»; ир. *ruhsæjhælgæ* / диг. *rohsæjihælgæ* «светочувствительный»; ир. *ruhsænk'argæ* / диг. *rohsænk'argæ* «светочувствительный»; ир. *ruhsgænæg* / диг. *rohsġænæg* «освещающий»; ир. *ruhsgond* / диг. *rohsġond* «просветленный, светлый, освещенный»; ир. *ruhsdættæg* / диг. *rohsdættæg* «дающий свет»; ир. *ruhsdzyd* / диг. *rohsdzud* «прозрачный»; ир. *ruhszærdæ* / диг. *rohszærdæ* «жизнерадостный».

Ир. *ruhs* / диг. *roxs* может выступать в качестве именной части сложных глаголов, тем самым создавая целый ряд глагольных лексем со значениями, связанными со светом как в прямом, так и в переносном значении: ир. *ruhs kænyn* / диг. *rohs kænun* «светить, светиться; радовать, веселить»; ир. *baruhszærdæ kænyn* / диг. *barohszærdæ kænun* «порадовать, развеселить».

В данном контексте особо хочется выделить глагольную конструкцию ир. *ruhsag* и (*wæd*) / диг. *rohsag wo (wæd)*: формула пожелания покойнику «будь светел (блажен) в загробной жизни!» (близко русскому «светлая тебе память!»); формула выражения соболезнования родственникам покойного «пусть (он) будет светел (блажен) в загробной жизни!»;

Словарное гнездо ир. диг. *tar* «темный; дремучий» выглядит следующим образом:

- существительные (могут выступать и в качестве прилагательных): ир. диг. *mæjdar* «тьма; ср. *mæjdar æhsævæ* темная безлунная ночь»; *tarug* «мрак, темнота; мрачный, сумрачный; темный (о лесе), дремучий» (только в дигорском);

- прилагательные: ир. *tarærfyg* / диг. *tarærfyg* «темнобровый (-ая)»; ир. диг. *tarzærdæ* / «букв. с черным сердцем (злой, плохой)»; ир. *tarcæsgom* / диг. *tardzæsgon|tarhuz* «мрачный, угрюмый (вид лица)»; ир. *tarcæst* / диг. *tarcæstæ* «темноглазый, черноглазый; карий (о глазах)»; *taræhgæd* «твердо, крепко запертый»; ир. *tarbyn* / диг. *tarbun* «темноватый»; *targond* «затемненный» (только в дигорском); *tarmeltæ* «сумерки» (только в дигорском); ир. *tarfyn* диг. *tarfun* «глубокий, крепкий сон».

Лексема *tar* участвует в образовании сложного глагола в качестве именной части: ир. *tar kænyn* / диг. *tar kænun* «темнеть; *перен.* мутнеть (ср. *zond tar kæny* «разум мутнеет»; *cæstyta tar kænyn* «темнеет в глазах»); ир. *fætar wyn* диг. *fætar un* «померкнуть; исчезнуть; скрыться из глаз».

Следует отметить, что данная лексема имеет омонимичную пару ир. *tar* / диг. *itaræ* «грудь», «пазуха», «отворот шубы на груди»; менее употребительно, чем ир. *riw* / диг. *rew* с тем же значением. Здесь мы имеем другую цепочку производных: ир. *tarbos* / диг. *itarbos* «грудная тесемка»; ир. *tarniz* / диг. *itarnez* | *itarġæn* | *itarġængun* «грудная болезнь; чахотка; хронический бронхит». В дигорском бытует также лексема *tardzæġdæn* «бие-ние себя в грудь»; *tardzæġdæn kænun* «проклинать жгучим проклятием» (особо силь-ная форма проклятия, которое применялось женщинами в исключительных случаях, при этом женщина, обнажая грудь и ударяя по ней, призывала небожителей покарать ее обидчика) [17].

Словарное гнездо ир. *talyng* / диг. *talingæ* «темнота; тьма; темный» выглядит следующим образом:

- существительные (в некоторых случаях возможна адъективация): ир. *batalyng* / диг. *batalingæ* «затмение»; ир. *hurdalyng* / диг. *hordalingæ* «затмение солнца»; ир. *mæjdalyng* / диг. *mæjdalingæ* «лунное затмение»; ир. *talyngdzinad* / диг. *talingædzijnadæ* «темнота; перен. невежество»; ир. *sawtalyng* / диг. *sawtalingæ* «мгла; мрачный; очень темный»; ир. *ærdægdalyng* / диг. *ærdægdalingæ* «полумрак; полутемный»; ир. *izærdalyng* / диг. *izærdalingæ* «сумерки»; ир. *talynggærættæ* / диг. *talingægærænttæ* «сумерки»;
- наречие: ир. *talyngæj* | *talyngy* / диг. *talingi* | *talingiti* «затемно».

Лексема ир. *talyng* / диг. *talingæ* так же участвует в образовании сложного гла-гола в качестве именной части: ир. *talyng kænyn* / диг. *talingæ kænun* «темнеть»; ир. *ærbatalyng is* / *ærbatalingæ æj* «быстро стемнело».

Таким образом, архисемой ЛСП «*ruhs* “свет” / *talyng* “тьма”» является сема «от-сутствие или присутствие лучистой энергии, исходящей от горячих или светящихся предметов (источников), воспринимаемая глазом и делающая видимым или невиди-мым окружающий мир». Рассматривая данную бинарную оппозицию как физическое явление, мы имеем такие лексемы, как ир. *ruhs* / диг. *rohs* «светлый» (характеризую-щийся яркостью, наличием света), глагольная конструкция – ир. *ruhs kænyn* / диг. *rohs kænun* «светить» (излучать свет) и ир. *ærdægruhs* / диг. *ærdægrohs* «полусвет» (слабое, недостаточное освещение). Данные слова имеют общую архисему, связанную с на-личием света (лучистой энергии, исходящей от горячих или светящихся предметов (источников)). Помимо этого, они обладают такими вторичными переносными зна-чениями, как «чистый, святой», «радостный, счастливый». Каждая из этих сем ста-новится мотивирующей для отдельной деривационной цепочки (ир. *ruhszærdæ* / диг. *rohszærdæ* «жизнерадостный»; *ruhstawæg* / диг. *rohsitawæg* «просветитель»).

Как было сказано выше, в современном осетинском языке существует две лексе-мы, которые обладают значением «темнота; темный» – ир. *tar* / диг. *tar* и ир. *talyng* / диг. *talingæ*. Анализ семантической структуры данных лексем показал, что, несмотря на этимологическую близость, в их структуре существует ряд дифференциальных сем. Так, лексема ир. диг. *tar* приобрела такие значения, как «дремучий», «темный (о цвете)», «пасмурный; мрачный (о настроении человека)», «глубокий (про сон); глухой (про место)», «тяжелый; в глубине веков». Лексема ир. *talyng* / диг. *talingæ* имеет такие переносные значения, как «невежественный, отсталый, некультурный (про челове-ка)», «мрачный; безрадостный», «несущий, причиняющий зло, вред; злобный». Опрос информантов, а также данные ОНК относительно контекстуальной репрезентации данных лексем, позволяют утверждать, что в современном осетинском, в обоих его диалектах, приобретенные значения лексемы *tar*, а именно: «дремучий», «темный (о цвете)», «пасмурный; мрачный (о настроении человека)», проявляются наиболее ак-тивно по сравнению с исконным значением «отсутствие света». Тогда как лексема ир. *talyng* / диг. *talingæ* сохраняет в качестве основной базовой семы «отсутствие света».

Исходя из этого, ядерными лексемами описываемого ЛСП признаются *ruhs* «свет» / *talyng* «тьма». Ядерную зону представляют единицы с семантически более сложными значениями, которые репрезентируются в контексте с исконным значением, а также мотивированные приобретенными значениями.

1. *Ipsen G.* Der Alte Orient und die Indogermanen // Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft: Festschrift für W. Streitberg. Heidelberg: C. Winter, 1924. P. 30-45.
2. *Башарина А.К.* Понятие «семантическое поле» // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2007. Т. 4. № 1. С. 93-96.
3. *Trier H.* Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Heidelberg, 1931. Bd.1. Vol. 41. S. 100-397.
4. *Васильев Л.М.* Теория семантических полей // Вопросы языкознания. 1971. № 5. С. 105-113.
5. *Городецкий Б.Ю.* К проблеме семантической типологии. М.: МГУ, 1969. 564 с.
6. *Шафигов С.Г.* Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц. Уфа: Башкирский университет, 1999. 88 с.
7. *Кезина С.В.* Семантическое поле как система // Филологические науки. 2004. № 4. С. 79-86.
8. *Тедеев Г.З.* Семантическая структура осетинского глагола. Тбилиси: Мецниереба, 1989. 123 с.
9. *Мудрак О. А.* Кавказизмы в осетинском языке (разбор семантических полей «тело», «люди») // Родной язык: лингвистический журнал. 2018. № 1 (8). С. 109-153.
10. *Абаева Ф.О.* Функциональные и лексико-семантические особенности наименований мучной пищи // Kavkaz-Forum. 2025. Вып. 24 (31). С. 5-18.
11. *Абаева Ф.О.* Функциональные и лексико-семантические особенности наименований жилых и хозяйственных построек и их частей // Научная мысль Кавказа. 2024. № 3 (119). С. 113-122.
12. *Эгамназаров Х.Х.* О понятии лексико-семантического поля в лингвистике // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2018. № (54) С. 185-189.
13. Осетинский национальный корпус [Электронный ресурс]. URL: http://corpus.ossetic-studies.org/search/?interface_language=ru
14. *Качмазова Е.С., Цаллагова И.Н., Царикаева Ф.А.* Конверсия в осетинском языке (на материале иронского и дигорского диалектов) // Научный диалог. 2023. № 12 (10). С. 68-84.
15. Толковый словарь осетинского языка / Под общ. ред. Н.Я. Габараева. М.: Наука, 2024. Т. III. 519 с.
16. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л.: Наука, 1979. Т. III. 362 с.
17. Дигорско-русский словарь. Русско-дигорский словарь / Сост. Ф.М. Таказов. Владикавказ: Иристон, 2015. 869 с.

Tsallagova, Iskra N. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of RAS (Vladikavkaz, Russia); <https://orcid.org/0000-0001-7844-8321>; czallagon@mail.ru

THE LEXICAL-SEMANTIC FIELD OF “RUHS “LIGHT” / TALYNG “DARKNESS” IN THE OSSETIAN LANGUAGE (BASED ON THE IRON AND DIGOR DIALECTS).

Keywords: Ossetian language, vocabulary, semantics, lexical-semantic field, word formation.

The relevance of this study stems from the growing attention of linguists to various issues of the lexical and semantic structure of language. In modern linguistics, the anthropocentric paradigm is acquiring particular significance, leading to a shift in research focus from language as a natural phenomenon to humans as linguistic individuals. In this context, the field method of language research occupies a special place, allowing for the application of such vocabulary grouping methods as semantic fields, lexical-semantic fields, lexical-semantic groups, and thematic groups. The scientific novelty of this study lies primarily in the fact that there are very few studies on semantic fields in the Ossetian language. In particular, the lexical-semantic field “ruhs ‘light’ / talyng ‘darkness’” is subjected to a thorough analysis and structuring for the first time. The aim of this study is a structural analysis of the lexical-semantic field “ruhs ‘light’ / talyng ‘darkness’” in modern Ossetian, drawing on linguistic material from both the Iron and Digor dialects. The study utilized linguistic observation, descriptive analysis, and distributional analysis. A structural-semantic approach was employed to examine the semantics of the core lexemes of the group. Illustrative linguistic material was collected through continuous sampling and interviews. In the course of the study, the semiotic structure of the nuclear lexemes of the lexical-semantic field ruhs “light” and talyng “darkness” in the modern Ossetian language was examined, their primary and secondary figurative meanings were determined, the word-formation potential of the lexemes ruhs “light” and talyng “darkness” was considered, the part-of-speech affiliation of units of derivational chains was determined, homonymous and synonymous relations within the group were considered.

For citation: Tsallagova, I.N. The lexical-semantic field of “ruhs “light” / talyng “darkness” in the Ossetian language (based on the Iron and Digor dialects) // Izvestiya SOIGSI. 2026. Iss. 61 (100). Pp. 78-85. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2026.100.61.007

References

1. Ipsen, G. Der Alte Orient und die Indogermanen // Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft: Festschrift für W. Streitberg. Heidelberg, C. Winter, 1924, pp. 30-45.
2. Basharina, A.K. *Ponyatie “semanticheskoe pole”* [Semantic field]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova* [Vestnik of North-Eastern Federal University]. 2007, vol. 4, no. 1, pp. 93-96.
3. Trier, H. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Heidelberg, 1931, Bd. 1, vol. 41, pp. 100-397.
4. Vasiliev, L.M. *Teoriya semanticheskikh polei* [Semantic field theory]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)]. 1971, no. 5, pp. 105-113.
5. Gorodetsky, B.Yu. *K probleme semanticheskoi tipologii* [On the problem of semantic typology]. Moscow, Moscow State University, 1969. 564 p.
6. Shafikov, S.G. *Teoriya semanticheskogo polya i komponentnoi semantiki ego edinit* [Theory of semantic field and component semantics of its units]. Ufa, Bashkir State University, 1999. 88 p.
7. Kezina, S.V. *Semanticheskoe pole kak sistema* [Semantic field as a system]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences]. 2004, no. 4, pp. 79-86.
8. Tedeev, G.Z. *Semanticheskaya struktura osetinskogo glagola* [Semantic structure of the Ossetian verb]. Tbilisi, Metsniereba, 1989. 123 p.
9. Mudrak, O.A. *Kavkazizmy v osetinskom yazyke (razbor semanticheskikh polei “telo”, “lyudi”)* [Caucasianisms in the Ossetian language (analysis of the semantic fields “body”, “people”)]. *Rodnoi yazyk: lingvisticheskii zhurnal* [Mother Tongue: Linguistic Journal]. 2018, no. 1 (8), pp. 109-153.

10. Abaeva, F.O. *Funktsional'nye i leksiko-semanticheskie osobennosti naimenovanii muchnoi pishchi* [Functional and lexical-semantic features of the names of flour foods]. *Kavkaz-Forum* [Kavkaz-Forum]. 2025, iss. 24 (31), pp. 5-18.
11. Abaeva, F.O. *Funktsional'nye i leksiko-semanticheskie osobennosti naimenovanii zhilykh i khozyaistvennykh postroek i ikh chastei* [Functional and lexical-semantic features of the names of residential and utility buildings and their parts]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza* [Scientific thought of Caucasus]. 2024, no. 3 (119), pp. 113-122.
12. Ehgamnazarov, Kh.Kh. *O ponyatii leksiko-semanticheskogo polya v lingvistike* [The Notion of Lexico-Semantic Field (Genetics) in Linguistics]. *Uchenye zapiski* [Scientific Notes]. 2018, no. 54, pp. 185-189.
13. Osetinskii natsional'nyi korpus [Ossetian National Corpus]. [Electronic resource]. URL: http://corpus.ossetic-studies.org/search/?interface_language=ru
14. Kachmazova, E.S., Tsallagova, I.N., Tsarikaeva, F.A. *Konversiya v osetinskom yazyke (na materiale ironskogo i digorskogo dialektov)* [Conversion in the Ossetian language (based on the Iron and Digor dialects)]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue]. 2023, no. 12 (10), pp. 68-84. pp. 68-84.
15. Gabaraev N.Ya. (ed.). *Tolkovyj slovar' osetinskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Ossetian Language]. Moscow, Nauka, 2024, vol. III. 519 p.
16. Abaev, V.I. *Istoriko-etimologicheskij slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language.]. Leningrad, Nauka, 1979, vol. III. 362 p.
17. Takazov F.M. (comp.). *Digorsko-russkij slovar'. Russko-digorskij slovar'* [Digor-Russian Dictionary. Russian-Digor Dictionary]. Vladikavkaz, Iriston, 2015. 869 p.